

УДК 82

**«ДЕТСТВО» М. ГОРЬКОГО КАК ТЕКСТ-ПРЕЦЕДЕНТ В ПОВЕСТИ
П. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ»**

© 2015 г.

М.Г. Уртминцева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

Urtminzeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2015

Феномен прецедентности текста рассматривается в русле феноменологической идеи, согласно которой сознание человека обнаруживает себя в любом поступке, в любом из своих опытов, свободно осуществляя акт творения «ex nihilo». В результате исследования содержания и структуры текста повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» определены основные способы введения элементов прецедентного текста («Детство» М. Горького), к которым относятся метафоризация ситуации, положенной в основу конфликта, реконструкция прецедентного имени, а также его актуализация, ставшие источником пробуждения в читателе сходных эмоциональных переживаний, что дает основание для вывода о назревшей потребности обращения к исследованию онтологии духовного опыта М. Горького и его литературного наследия.

Ключевые слова: феноменология литературы, прецедентный текст, автобиография, структура повествования, М. Горький, П. Санаев.

Феномен прецедентности в искусстве слова – один из способов осуществления коммуникации, направленный на установление диалога между писателем и читателем. Определяя содержание понятия «прецедентный текст», исследователи, как правило, указывают на содержательно-функциональный аспект его изучения, характеризуя при этом способы включения ранее созданных текстов (прямые и косвенные цитаты, имена текстов и героев, повторение и метафоризация основного конфликта прецедентного текста) и их функции в рассматриваемом произведении [1]. Отсылая читателя к явлениям культуры прошлого, автор подразумевает активное участие читателя в интерпретации текста, поскольку в его задачу входит не только распознавание отсылок, но и включение их в собственный «горизонт ожидания», расширение которого приближает читателя к восприятию авторской идеи. Особый интерес в таком случае представляет произведение, в котором мотивация обращения к прецедентному тексту является формой выражения авторского бессознательного, принципы исследования которого были изложены еще Сартром в его работе «Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии». Здесь была сформулирована идея о двух видах онтологии — «бытие в себе» (бытие определенного феномена) и «бытие для себя» (дореклексивное мышление), которая может быть продуктивно использована в исследовании функций прецедентного текста. В феноменоло-

гическом ключе Сартр развивает декартовскую идею *cogito* о том, что сознание человека обнаруживает себя в любом поступке, в любом из своих опытов, свободно осуществляя акт творения «ex nihilo» [2]. Особенно актуальной эта идея оказывается в те исторические моменты, когда явно ощущается онтологическая недостаточность общественного сознания, активизируется индивидуальная интенция, выражающаяся в потребности «сделать себя» путем осуществления индивидуального проекта, то есть собственной судьбы, отдельного и непохожего на других бытия [3]. К такого рода «проекту» самоопределения и самовыражения следует отнести и повесть П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» [4], вызвавшую бурные дискуссии в среде литературной критики, в читательской аудитории. Экранизация повести (2009) также возбудила много споров и суждений [5], однако одна из важнейших особенностей произведения, структура текста, осталась за пределами внимания и читателя, и критики. Между тем прямые и косвенные отсылки к прецедентному тексту – повести М. Горького «Детство» определяют характер авторской интенции, направленной на диалог писателя с современным читателем.

В своей статье мы постараемся показать, что текст «Детства», духовное «пространство» горьковского автобиографического героя, даже само упоминание имени Горького в повести Санаева далеко не случайны. Из всей существующей в русской литературе традиции изо-

бражения мира детства и психологии ребенка Санаев отсылает читателя именно к «Детству» Горького, несмотря на то что доминирует в нем голос автора, а не героя. Конструкция прецедентного имени, опора на автобиографическую ситуацию, в которой изображен герой «Детства» в повести Санаева не являются формой полемики с художественной концепцией автобиографического повествования, не решают задачи утверждения или разрушения литературного авторитета писателя и менее всего связаны с весьма распространенными в последнее время попытками объяснить особенности художественного мышления Горького «странностями» его как личности – неустойчивостью психики, проблемой адаптации к реалиям действительности, эмоциональными расстройствами и т. д. По-видимому, «точкой соприкосновения» оказалась потребность, вызванная обстоятельствами жизни и того и другого автора, «сделать себя», осуществить индивидуальный «проект» жизнестроительства, воплотив его в слове. Предваряя анализ повести «Похороните меня за плинтусом», позволим себе напомнить важные факты творческой истории «Детства», которые будут использованы нами как аргументы в доказательстве высказанного положения.

Публикация повести М. Горького «Детство» началась 25 августа (7 сентября) 1913 года в газете «Русское слово», однако переписка М. Горького начиная с января 1913 года показывает, что завершение работы над «Детством», публикация глав из нее и подготовка отдельного издания практически совпадали по времени [6, с. 575]. Уже после начала публикации текста Горький испытывает серьезные колебания относительно заглавия. Так, в одном из писем (Благову, редактору «Русского слова») он говорил: «Посылаю IV главу очерков; их следовало озаглавить «Бабушка», а не «Детство»... Не согласитесь ли вы изменить заголовок?» [7]. С этой же просьбой обращается он и к Ладыжникову: «Высылать ли вам <...> 5 глав «Детства», которые следовало озаглавить “Бабушка”» [8, с. 228], однако через две недели меняет свое решение и останавливается на первоначальном варианте. Начиная печатать повесть, Горький окончательно не определил для себя ее объем. В письмах корреспондентам он даже объем будущего произведения указывает по-разному (вероятно, 10 листов – Ладыжникову), глав 8 или 9 (Благову, сентябрь), а в октябре, 1 числа, сообщает ему же: «Детство» – большая вещь, листов 20–25». И далее: «Когда я допишу это? Не представляю. Сейчас мне запрещено работать» [6, с. 575]. По-видимому, речь шла о замысле всей трилогии или по крайней мере той ее части, ко-

торая была воплощена в повести «В людях», где детство Алеши, собственно, и заканчивается.

И еще один важный момент: «Детство», – сообщил Горький Амфитеатрову с Капри, – писано давно (более года?), продаю по нужде и, конечно, преждевременно, что я весьма понимаю» [9], и далее: «Хотелось бы продать эту вещь за границей <...> Может быть «Детство» заинтересовало бы иностранцев?» [8, с. 228].

Переписка Горького говорит о том, что одной из причин издания повести могли быть материальные затруднения, которые испытывал писатель в это время. Как известно, окончательный замысел оформился далеко не сразу, а благодатное солнце Италии стимулировало творческую энергию писателя [10, с. 292–295; 6, с. 574], пробуждая воспоминания. «Странное дело, – писал Горький в одном из писем мая 1914 года, – чем больше живешь, тем лучше и чаще вспоминаешь далекое детское...» [11].

В повести П. Санаева перед читателем разворачивается цепь воспоминаний о недавнем прошлом, тоже окрашенном разнообразной эмоциональной палитрой, однако причина воссоздания образа детства была совершенно иной, ничем не напоминающей замысел Горького. В одном из интервью после выхода повести П. Санаев сказал, что работать над своими рассказами, которые потом составили книгу, он начал гораздо раньше, «классе в 7–8-м, читая их маме, много приукрашивая для того, чтобы ей было смешно» [12]. Но нельзя не принимать во внимание тот факт, что работать над книгой он стал после смерти бабушки, в 1995 году, а дедушка – один из главных героев повести, так и не узнал о существовании коллективной эпитафии, созданной внуком. Так что получается очень любопытное совпадение с замыслом Горького, хотя Горький отказался от названия «Бабушка» и оставил первоначальный вариант заглавия. Имя текста Санаева – «Похороните меня за плинтусом» – «цитата» из обращения героя повести к бабушке, так что ее присутствие имплицитно обозначено в заглавии произведения. Существенным отличием повести Санаева от текста-прецедента оказывается то, что ее главный герой – ребенок, внутренний мир которого закрыт для других, и в первую очередь недоступен именно бабушке, не представляющей свою жизнь без внука. Как не вспомнить знаменитое горьковское: «А был ли мальчик?», ставшее почти расхожим определением неуверенности и сомнения. Однако сомнение в справедливости выбора, сделанного мальчиком, и наказание, которое еще предстоит пережить всем героям, остается за пределами повести. А вот Дм. Быков, перефразируя Горького, назовет

свою повесть «Был ли Горький?», переработав ее из сценария документального фильма о нем, и делает акцент именно на этой черте Клима Самгина, интерпретируя таким образом личность самого писателя [13].

Автобиографизм – общее для обоих произведений начало, однако если Горький через четырнадцать лет после публикации «Детства» подчеркивал документальность своих автобиографических произведений [6, с. 573], то Павел Санаев не склонен этого делать, заметив, что шестьдесят процентов его повести – чистейший вымысел, поэтому нельзя воспринимать его произведение как историю семьи Санаевых-Быкова. Сравнение повести «Детство» с повестью Санаева может показаться натянутым: герои обоих произведений являются слишком разными и по времени взросления, и по менталитету и живут в разной среде. И все же, как нам представляется, повесть сорокапятилетнего Горького, где он возвращается в далекое прошлое, можно рассматривать как текст-прецедент: его элементы «отозвались» в произведении двадцатилетнего автора, написанном по «горячим» следам пережитого.

Имя Горького появляется уже во второй главе повести Санаева «Утро», после того как успокоившись после потери чайника, бабушка произносит слова, обращенные к дедушке, сосредоточенно жуящему котлету: «Ничего... **Горький** говорил, удар судьбы приходит внезапно». Будет тебе расплата. Предательство безнаказанно не проходит! Самый тяжкий грех – предательство...» [4, с. 19]. Действительно, в повести Санаева удар судьбы настигает всех, когда неожиданно бабушка умирает, преданная, как ей казалось, и дедушкой, и дочерью, и внуком, умирает потому, что потеряна цель и смысл жизни. Это осознает в первую очередь именно Саша, который констатирует, осознав последствия своего воссоединения с матерью: «Мы не просто ушли без спроса из дома. Мы что-то сломали, и без этого, наверное, нельзя будет жить» [4, с. 252]. Именно этот мотив *сломанной жизни* в повести Горького, возникающий на первой странице «Детства», задает тон всему повествованию. Повесть начинается с воспоминания Алеши о смерти отца, вдруг круто изменившей не только его жизнь, но и, как оказалось, жизнь всех Кашириных. «Я был тяжело болен, – только что встал на ноги; во время болезни, – я хорошо это помню, отец весело возился со мною, потом он вдруг исчез, и его заменила бабушка, странный человек» [6, с. 9].

Лейтмотив предательства, проходящий через всю повесть Санаева, в «Детстве» Горького в сознании Алеши *вызревает постепенно*. Ощу-

щение невозвратимой потери, возникнув в сознании маленького ребенка сразу после смерти отца («Я уже давно стою в комнате, но она ни разу не взглянула на меня...») [6, с. 10], впоследствии конкретизируется в словах деда: «Бросила тебя мать-то поверх земли, брат...» [6, с. 69], а затем уточняется осознанием Алешей непреодолимой преграды, выросшей между ним и матерью: «Она смотрела углубленными глазами через меня – в стену, в окно <...> все чаще сердилась, кричала» [6, с. 142], «Мать всегда будила очень много ласковых дум о ней, но выговорить думы эти я не решался никогда» [6, с. 176]. Однако завершение этой темы в повести Горького характеризует иную, недетскую оценку ситуации. Возвращаясь к прошлому, автор преломляет его сквозь призму прожитых лет и созданных за это время произведений. Образ серой и скучной одинокой жизни ребенка окрашен отблесками огня – стихии, которой поклонялся Алексей Пешков, запечатлев ее в книге «Пожары», написанной по нижегородским (более поздним) воспоминаниям: «...живая, трепетная радуга тех чувств, которые именуется любовью, выцветала в душе моей, все чаще вспыхивали угарные синие огоньки злости на все <...> сознание одиночества в этой серой, безжизненной чепухе» [6, с. 185]. Так, слова бабушки из повести Санаева как бы отзываются на муки тоскливого одиночества, испытанные Алешей Пешковым, а его внутренний монолог об угасании «радуги чувств» также мотивирован ощущением одиночества, которое характерно и для Сашиной бабушки Нины, горящими в ее душе «синими огоньками злости на все...».

Вообще у Санаева имя Горького ассоциировано с образом тяжелой, неупорядоченной жизни, которую ведут все герои повести. Второе упоминание имени автора «Детства» появляется в главе «Лосося», когда Саша Савельев рассказывает о том, какое место занимают в их двухкомнатной квартирке сувениры, подаренные дедушке во время гастролей. Вырезанную из небольшого пня фигуру Ильи Муромца дедушка пристраивает «между жестяным танком от Таманской дивизии и бронзовым бюстом задумавшегося **Максима Горького**» [4, с. 48]. Так по воле автора повести Максим Горький становится как бы постоянным свидетелем и даже непосредственным участником той «неумной» жизни, которая проходит перед его глазами. Горьковская метафора жизни (жизнь – это «серая, безжизненная чепуха»), в повести Санаева характеризует в первую очередь восприятие мира ребенком, Сашей, оторванным силой обстоятельств от матери, любовь которой нельзя заменить искренней любовью и заботой о нем ба-

бушки и деда. В повести Горького эта оценка действительности как «неумной» скорее принадлежит взрослому повествователю, чем мальчику Алеше Пешкову, которого, как писал автору М. Пришвин, ему в повести «не хватает» [14, с. 323–324].

Текст «Детства» присутствует в повести Санаева и на ассоциативном уровне в главе «Парк культуры». Попасть в парк Горького – заветная мечта Саши: это мир аттракционов, мир радости и свободы в представлении мальчика. Однако самое начало главы отсылает нас к горьковским образам босяков, которые появляются и на страницах «Детства», особенно в той части, которая касается жизни Кашириных на Полевой. В тексте повести Санаева в памяти Саши парадоксально соединяются два несопоставимых понятия: культура и босячество. «Моя бабушка, – говорит герой повести, – считала себя очень культурным человеком и часто мне об этом говорила. При этом был ли я в обуви или нет, она называла меня *босяком* и делала величественное лицо» [4, с. 67]. Отождествление бабушкой своего внука с босяками вызывает недоумение только в первый момент, но оно очень тонко характеризует Сашу как «не такого, как все». Санаев показывает, что его герой «плывет по течению, не сопротивляясь, забывает хорошие слова бабушки (котик и лапочка) как забывал «о проглоченных порошках и таблетках» [4, с. 207]. Но он оказывается способен на «бунт», правда, очень своеобразный, хотя тема «бунта» Алеши против деда – важный эпизод «Детства», и он связан с покушением внука на дедушкиного Бога (мальчик режет ножницами его любимые святцы, мстя за бабушку). «Бунт» героя Санаева – иного рода и связан с его желанием самоутвердиться: то он разоблачает бабушкину политику с консервами и конфетами врачам, то заявляет гомеопату, что у него «есть что пограбить», то выходит раздетым на балкон, то есть стремится выстроить свою линию поведения в той или иной ситуации, идет наперекор безграничной бабушкиной власти. Бабушка Нина подозревает, что парк Горького – новый и незнакомый Саше мир – усилит в нем желание жить по своим правилам, поэтому она так и не позволила ему ближе познакомиться с *миром культуры парка Горького*. Ни на американские горки, ни на колесо обозрения он так и не попал. Ассоциация, сопрягающая образ «босяка» и сюжет о парке Горького, лишь на первый взгляд может показаться неуместной. Саша Савельев так же, как многие горьковские босяки, ищет свою правду, пристально всматриваясь в мир, его окружающий. Он так же, как и герои Горького, стремится к свободе от ус-

ловностей мира, от обыденности жизни, превращая в праздник осуществление своей воли. Вместе с тем, в сознании ребенка прочно закрепилось представление о распределении власти между двумя полярными началами действительности: бабушка «была его жизнью, мама – редким праздником. У праздника были свои правила, у жизни свои» [4, с. 226].

В «Детстве» Горький писал: «Долго спустя я понял, что русские люди, по нищете и скудости жизни своей, вообще любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными» [6, с. 152]. Это философское обобщение Горького находит своеобразное воплощение в тексте повести Санаева в воспоминаниях бабушки Нины о своей жизни на улице *Горького*, которая воспринималась ею как одно из главных несчастий ее жизни. Именно здесь, в коммунальной квартире рядом с улицей *Горького* протекала ее жизнь в ненавистной Москве, отсюда ее отвезли в психиатрическую больницу, по улице *Горького* ходил со своим другом Горбатовым дедушка, «обсуждая, какие у кого ноги», здесь, на улице *Горького*, она стукнула закапризничавшую дочь Олю так, что сломала ей ногу. Бабушка Нина была действительно несчастным человеком и не стыдилась этого, ограничив себя узким кругом семейных забот, она отрешилась от мира и постоянно внушала внуку мысль о том, что его скорая смерть – неизбежна, поэтому его уход из этой несправедливой *к ней* жизни закономерен.

Можно привести еще много примеров того, как неожиданно проявляет себя горьковский текст в повести Санаева. Это и размышление героя о бабушкином карающем Боге, и ее молитвы, столь разительно отличающиеся от молитвы бабушки Акулины, и вдруг появляющийся в диктанте, который пишет Саша Савельев, дядя Яша, «который зарядил винтовку», и тема смерти и кладбища, постоянно всплывающая в сознании обоих мальчиков, Алеши и Саши, и конечно же мечта о другой жизни. Пожалуй, при всем видимом различии характеров главных героев, одним из наиболее ярких примеров общего для них стремления изменить жизнь оказывается присущая обоим привычка изменять слова. Алеше Пешкову, освоившему гражданскую печать, не нравились неумовимые строки стихов И. Аксакова «Большая дорога»: «Большая дорога, прямая дорога, / Простора немало берешь ты у бога / Тебя не ровняли топор и лопата, / Мягка ты копыту и пылью богата». «Мне очень нравилось, – вспоминает автобиографический герой Горького, – когда заколдованные стихи лишались всякого смысла» [6, с. 138], поэтому он читал «простого» вместо

«простора», «рубил» вместо «ровняли», а однажды, когда мать спросила, выучил ли он стихи, «помимо воли забормотал: «Дорога двурога, творог, недотрога, / Копыта, попы-то, корыто...». «Чувство, близкое к отчаянию» [6, с. 142], которое хотелось скрыть, заставляло героя бойчиться, озорничать, и обилие слов, которые «целыми роями быстро спутывали обязательное, книжное», было своеобразной защитой от трудностей жизни.

Игра словами в повести Санаева имеет несколько иной характер, хотя мотив «развлечения», нарушения правильно текущей размеренной жизни оттеняет поиски героем ответа на вопрос, что значит то или иное слово. Так, надпись на коробке с леденцами, обнаруженной в запрещенном для доступа буфете-саркофаге: «ф-ка им. Бабаева», прочитанная как «ФКА-ИМ», отождествляется им с генералом по фамилии Бабаев и странным именем ФКАИМ, с которым «лучше было не связываться». Чтобы развлечь себя и заставить бабушку поволноваться, «за рыбным кормлением» он многозначительно произносит: «Ем кость». Плюнь! Плюнь скорее, сволочь! Плюнь! – пугается бабушка, а ребенок, показывая на молоко, спокойно произносит: «...нет, я просто читаю. Ем кость один литр» [4, с. 86].

Завершая наши размышления, напомним, что еще весной 1913 года Горький говорил, что хочет посвятить «Детство» своему сыну [15, с. 351], однако в газете и в первом отдельном издании «Детство» вышло без посвящения, и только в 1914 году в издании «Жизнь и знание» (т. XX) «Сыну моему посвящаю» появляется на титуле повести. «Похороните меня за плитусом» Павла Санаева посвящена Ролану Быкову, отчиму автора. Несмотря на то что в повести этому образу уделено не так много внимания, реальный Ролан Быков сыграл определяющую роль в судьбе самого Павла, так же как и «карлик-кровопийца» Толя в судьбе героя повести Саши Савельева. Но повесть освещает ту часть жизни героя, когда отчим еще только вступает в свои права, а ребенок испытывает сильное давление со стороны бабушки и ее мира. Даже своими посвящениями эти две повести идут навстречу друг другу: «Детство» – завет отца сыну, «Похороните меня за плитусом» – низкий поклон сына отцу.

Написанная в 1995, опубликованная в 1996 («Октябрь», № 7), повесть П. Санаева вышла отдельным изданием в 2003 году. Более 100 лет миновало после публикации «Детства» М. Горького и 10 лет после выхода в свет отдельного издания «Похороните меня за плитусом».

При всем очевидном различии авторских интенций П. Санаева и М. Горького прецедентный текст «Детства», как и сама биография М. Горького, сыграли далеко не последнюю роль в формировании художественной концепции повести современного писателя и кинорежиссера. Мысль о необходимости вырабатывать в себе сопротивление обстоятельствам, потребность в самостоятельном нравственном развитии художественно осмыслена Санаевым иначе, чем Горьким, но то, что настало время перечитать и заново осмыслить не только «Детство», но и другие произведения Горького, не вызывает никаких сомнений.

Список литературы

1. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
2. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с. (Мыслители XX века).
3. Молчанов В.И. Проблема обоснования феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Время и сознание. Критика феноменологической философии. [Электронный ресурс]. М.: Высшая школа, 1998. Режим доступа: ruthenia.ru/Логос/molchanov/zb.htm.
4. Санаев П. Похороните меня за плитусом. М.: Астрель, 2010. 320 с.
5. Прудис Е. Взгляд из-за плитуса на одно обстоятельство. Комментарий детского психолога к одной повести о трудном детстве и одноименному фильму. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://plintusbook.ru>.
6. Горький А.М. Полное собрание сочинений. Худож. произведения. В 25 т. Т. 15. М.: Наука, 1972.
7. Архив А.М. Горького, ПГ-рл-4-17-18.
8. Архив А.М. Горького. Т. VII. Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М.: ГИХЛ Гослитиздат, 1959.
9. Архив А.М. Горького, ПГ-рл-1-25-166.
10. Басинский П.В. Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ: Астрель, 2011. 414, [2] с., ил.
11. М. Горький – Н.Н. Сигалеву, май, 1914. Архив А.М. Горького, ПГ-рл-39-30-1 ИМЛИ РАН.
12. Интервью П. Санаева журналу «Караван историй». [Электронный ресурс]. Режим доступа: plintusbook.ru/caravan/3/.
13. Быков Д. Был ли Горький? М.: Астрель, 2009. 348 с.
14. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Ред. И.С. Зильберштейн, Е.Б. Тагер. Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького, 1963. 736 с.
15. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 2. 1908–1916. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 621 с.

«THE CHILDHOOD» BY MAXIM GORKY AS A PRECEDENT TEXT IN THE STORY
«BURY ME BEHIND THE BASEBOARD» BY P. SANAEV

M.G. Urtmintseva

We consider the phenomenon of precedence of the text in line with the phenomenological idea that human consciousness reveals itself in any action and in any of its experiences by freely exercising the act of creation «ex nihilo». The study of the content and structure of the story by P. Sanaev «Bury Me Behind the Baseboard», which is «secondary» in relation to the original text, identifies the main ways for introducing the elements of the precedent text («The Childhood» by Maxim Gorky). These ways include the metaphorization of the situation that underlies the conflict, the reconstruction of the precedent name and its actualization, which give rise to similar emotional experiences in the reader. The need to study the ontology of Gorky's spiritual experience and his literary legacy is emphasized.

Keywords: phenomenology of literature, precedent text, autobiography, narrative structure, M. Gorky, P. Sanaev.

References

1. Krasnyh V.V. Ehtnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.
2. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Per. s fr., predisl., primech. V.I. Kolyadko. M.: Respublika, 2000. 639 s. (Mysliteli XX veka).
3. Molchanov V.I. Problema obosnovaniya fenomenologii Eh. Gusserlya i M. Hajdeggera. Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii. [Elektronnyj resurs]. M.: Vysshaya shkola, 1998. Rezhim dostupa: ruthenia.ru/Logos/molchanov/zb.htm.
4. Sanaev P. Pohoronite menya za plintusom. M.: Astrel', 2010. 320 s.
5. Prudius E. Vzglyad iz-za plintusa na odno obstoyatel'stvo. Kommentarij detskogo psihologa k odnoj povesti o trudnom detstve i odnoimennomu fil'mu. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://plintusbook/ru>.
6. Gor'kij A.M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozh. proizvedeniya v 25 t. T. 15. M.: Nauka, 1972.
7. Arhiv A.M. Gor'kogo, PG-rl-4-17-18.
8. Arhiv A.M. Gor'kogo. T. VII. Pis'ma k pisatelyam i I.P. Ladyzhnikovu. M.: GIHL Goslitizdat, 1959.
9. Arhiv A.M. Gor'kogo, PG-rl-1-25-166.
10. Basinskij P.V. Strasti po Maksimu: Gor'kij: devyat' dnej posle smerti. M.: AST: Astrel', 2011. 414, [2] s., il.
11. M. Gor'kij – N.N. Sigalevu, maj, 1914. Arhiv A.M. Gor'kogo, PG-rl-39-30-1 IMLI RAN.
12. Interv'yu P. Sanaeva zhurnalu «Karavan istorij». [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: plintusbook.ru/caravan/3/.
13. Bykov D. Byl li Gor'kij? M.: Astrel', 2009. 348 s.
14. Gor'kij i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska / Red. I.S. Zil'bershtejn, E.B. Tager. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. M. Izd-vo AN SSSR. In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo, 1963. 736 s.
15. Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo. Vyp. 2. 1908–1916. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 621 s.